

Тайна лимонного попугая,

или

Убийство в Центральном парке

Вера Прокопчук

Тайна лимонного попугая или Убийство в Центральном парке

«Автор»
2026

Прокопчук В. А.

Тайна лимонного попугая или Убийство в Центральном парке / В. А. Прокопчук — «Автор», 2026

В Августенбурхе гремит скандальный процесс: виконт Стенхоуп обвиняется в попытке задушить попугая консьержки, и город хохочет над заголовками газет. Но за этой курьёзной историей скрывается трагедия целой династии...В Центральном парке находят труп почтенного адвоката — человека, которому доверяли самые тёмные семейные секреты. Но теперь он замолк навсегда, а роковая тайна, доверенная ему, грозит вырваться наружу и обрушить репутации, состояния и судьбы.Расследование ведёт Рейвен Блейк вместе с верными союзниками: невозмутимым Бервеллом и ироничным Люциусом. Шаг за шагом они собирают мозаику из улик: кто-то отчаянно хочет, чтобы тайна осталась похороненной вместе с адвокатом...

© Прокопчук В. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 17
Глава 5 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Вера Прокопчук
Тайна лимонного попугая или Убийство в Центральном парке

Пролог

Небо! Ослепительно синее, пьянящее душу небо! Я лечу! Я свободен!

Так, вероятно, думал большой лимонно-желтый попугай, что парил над центральным парком Августенбурха.

Упиваясь свободой и свежестью летнего утра, купая свои пышные крылья в воздушном потоке, он любовался видом ухоженных аллей, пылающих красками клумб и фигурно подстриженных кустов… Он был счастлив.

«Но как тропическая птица очутилась в северных широтах?» — спросит любезный читатель.

А так, что пернатый авантюрист устроил побег века – вот как! Он много дней сидел в клетке и делал вид, что просто задумчиво чистит пёрышки, а на самом деле просчитывал каждый шаг хозяйки-консьержки. Этот прохиндей только и ждал, что хозяйка неплотно закроет клетку. И звездный час попугая настал! – ловко подтянув засов лапой, он отворил дверцу, выпорхнул из клетки и метнулся к окну, приоткрытому в честь чудесной погоды — солнечной, но не знойной, коей радует конец августа…

Вопли хозяйки он проигнорировал.

И взмыл в небо – ввысь, ввысь, ввысь! – в пронзительную, радостно-ослепительную голубизну…

Почему же в итоге попугая занесло именно в Центральный парк? Была ли то рука Провидения — трудно сказать. Скорее, дело было в эстетических предпочтениях пернатого ценителя прекрасного.

Осмотрев Августенбурх с высоты птичьего полёта, попугай остался недоволен видом окраин: безликие, задымлённые кварталы, ряды невзрачных домов-коробок из бурого кирпича, покосившиеся домишки бедноты; фабричные трубы… «Фи!» — вероятно, подумал он. И устремился к центральной, исторической части города — туда, где жизнь выглядела куда притягательнее.

Здесь взгляд радовали соборы с готическими шпилями, покрытыми патиной столетий, дома с черепичными крышами и мосты из седого камня, перекинутые через узкие каналы. Попугай с любопытством наблюдал, как по улицам между домов ползут экипажи, запряжённые лошадьми, и — вообразите! — даже новомодные безлошадные повозки с бензиновым мотором. С высоты его полёта они казались крошечными, словно спичечные коробки.

И вот он, парк — огромный, роскошный! Аллеи расходились лучами от центра, а в середине парка раскинулось озеро с гладкой, словно стеклянной поверхностью. В нём тонули отражения деревьев - и казалось, будто иной, зеркальный мир прячется под тихой гладью.

Это зрелище пришлось попугаю по душе.

В прекрасном настроении он приземлился на статую прелестной мраморной нимфы, кокетливо прикрывавшей рукой обнажённую грудь.

Это было самое сердце парка. Здесь элегантная публика – дамы в шифоне и шляпах с перьями, мужчины в котелках и канотье - чинно прогуливалась вдоль мощёных дорожек; и, Боже упаси, не пыталась зайти на газон. Несолидно, понимаете ли. Да и невозможно: по краю

газонов тянулся бордюр из петуний и примулы, а за ним плотной, неразрывной стеной высились кусты метельчатых гортензий — пышные, высокие, усыпанные роскошными гроздьями бело-розовых цветов. Потому-то почтенная публика могла лишь догадываться, как выглядят сами газоны: кусты надёжно отгораживали их от посетителей.

Попугай немного потоптался на макушке мраморной нимфы и вдруг заметил что-то странное. Он повертел головой, вглядываясь, и окончательно убедился: тут что-то не так.

Роскошный куст метельчатой гортензии, украшенный пышными кистями цветов, скрывал с той стороны — со стороны газона, разумеется, — вовсе не то, что подобает прятать в приличном парке!

Там, лицом вниз, лежал человек. Ветви гортензии почти полностью его укрывали — отчетливо видна была лишь неловко отброшенная в сторону рука.

А на траве под ним темнело пятно, смысла которого попугай не хотел понимать - но чувствовал всем своим птичьим нутром: это плохо, это конец, это беда, которой не должно быть.

Он растопырил хохолок и, вспомнив самое сильное слово из своего словарного запаса, заорал во всю глотку:

— Кошмаррр! Кошмаррр!

Это слово он перенял у своей хозяйки-консьержки: она выкрикивала его всякий раз, когда случалось что-то в корне неправильное. Например, когда убегало молоко.

Попугая тут же обтявкала крошечная собачонка, которая семенила на поводке, ведомая пожилой солидной дамой в элегантной шляпке. Потом подбежал мальчишка с мячиком - и стал показывать пальцем на смешную лимонную птицу, а следом подбежала гувернантка, и стала ему выговаривать, что пальцем показывать некрасиво. Потом подбежали еще какие-то зеваки, и скоро собралась толпа: попугай орал, собачонка тявкала, мальчишка смеялся, люди шумели.

Потом появился садовник. Привлечённый шумом, он вышел из-за кустов. Именно он, пробившись сквозь толпу любопытных и пышные кусты, первым заметил то, что скрывали раскидистые ветви гортензии. С лицом, внезапно лишившимся всякого цвета, он кинулся прочь - добежал до полицейского на углу улицы и сообщил о страшной находке.

Первым, разумеется, на место происшествия прибежал репортер местной газеты – в клетчатой кепке, с блокнотом и самопишущим чернильным пером - и заметался в поисках свидетелей. Уму непостижимо, как эти щелкоперы всегда успевают впереди полиции!

А полчаса спустя попугай уже с интересом наблюдал за тем, как кустах суетились полицейские - так яростно, будто там не преступление, а распродажа со скидкой. Командовал ими пожилой мужчина в мундире, лет пятидесяти, к которому все почтительно обращались «господин инспектор».

А потом, устало махнув рукой, господин инспектор вышел (продравшись через гортензии) на тропинку, отряхнул мундир, вытер лоб платком… и вдруг замер, присматриваясь к девушке в голубом платье с матросским воротником, которая приближалась к нему по дорожке, ведя за руль велосипед.

Глава 1
Инспектор полиции Хартвелл

Лимонный попугай в небе над парком, вероятно, был знаком свыше, что сегодня я - инспектор полиции Эдвин Хартвелл – неожиданно увижусь с Ней.

А именно - с девушкой, которая, прямо скажем, занимала мои мысли куда больше, чем следовало.

Мы, старые служаки, порой сентиментальны.

Что наша жизнь? – рутина. На работе – преступления, кровь и грязь. Дома – супруга дражайшая и шестеро детей, причем у одного болит зуб, у другого простуда, у третьего порвались ботинки, четвертый подрался, пятый получил двойку, шестая влюбилась в местного шалопая, а у жены, извольте видеть – пирог подгорел и нервы шалят…

И хочется порой, ах! - хочется чего-то такого – свежего, чистого, как вон тот цветок бело-розовой гортензии. Хочется отвлечься от всех этих служебных и домашних обязанностей, до оскомины осточертевших. Сбежать, как тот попугай из клетки, воспарить в небо голубенькое всеми своими перышками, всей душой своей вскружиться…

И вот тут появляется небесное создание этакое, и ведь не финтифлюшка там какая-то - а славная девушка, которая и слово скажет разумное, и выход найдет там, где ты его искать уже замаялся…

Короче говоря: на пути моем появилась Рейвен Блейк – сотрудница детективно-магического агентства «Лунный сундучок». Я уже пересекался в своей работе с этой девочкой-магом, и каюсь – поначалу я ее вообще всерьез не принял. Но вскоре понял, что был неправ – ибо старый Дайорелл кого попало у себя на службе не держит.

И когда мы закончили то дело с маньяком по кличке Кровавый Лис, и она перестала появляться в моем кабинете – ощутил я вдруг, что мир вокруг меня стал сер, и пылью залежалой пахнет изо всех углов, и не хватает мне чего-то, какой-то радости светлой …

И ведь не то, чтобы я влюбился, уж куда мне – и не по годам, и все такое. А просто хотелось и голосок ее услышать, и личико свеженькое увидать, и совет разумный от нее получить, который всегда был кстати! Скучал я по ней, короче…

А сегодня – ну надо же! – я вдруг увидел, как она сама идет мне навстречу по аллее парка… Точно ли - она? Да, в самом деле!

Вот она, все ближе и ближе, просто частичка лета, отраженье светлого денечка августовского, и все в ней хорошо – и походка легкая, и фигурка, и даже шляпка какая-то милая. В одной руке – руль велосипеда, в другой – большая птичья клетка…

И словно дышать стало легче, когда она подошла поближе, и улыбнулась приятно так.

- Вам что же – кто-то поручил заняться этим убийством? – спросил я в ответ на ее приветствия.

- Убийством?! Помилуйте, меня тут интересует только попугай, - отвечала она, присматриваясь к пернатому разбойнику, все еще восседавшему на голове статуи.

- Вы что же – вместо преступников теперь птичек ловите? – осведомился я, а она рассмеялась, блеснув белыми зубками.

- Да нет, но тут особый случай… Хозяйка его уж так убивалась, что попугай сбежал, а мы что? - у нас сердце не камень, - отвечала она.

Затем спросила уже серьезно:

- А кого убили?

- Да если бы я знал, кого именно, - отвечал я досадой, - я думал, может вы в курсе…

- Уверяю вас, - возразила она проникновенно, - я охочусь только на попугая: видите, и клетку притащила…

- А жаль, - хмыкнул я, - в прошлый раз вы нам неплохо помогли…

- Давайте я сначала разберусь с попугаем, а то еще улетит, - предложила она, - а потом – через пару минут – мы продолжим нашу беседу …

И, улыбнувшись этак извинительно, подошла к статуе, руку к ней простерла, шепнула что-то, рукой словно ниточку на себя потянула… И попугай ей порхнул точнехонько прямо в руки. А уж тут она его и в клетку затолкала, снова что-то шепнула – и обиженный попугай в клетке выкрикнул какое-то оскорбление, захлопав крыльями.

А затем подошла ко мне и глянула на меня вопросительно.

Вместе с ней мы подошли к убитому: то был мужчина лет сорока восьми. Вид он имел весьма респектабельный: породистое лицо, обрамленное пышными бакенбардами; черный, строгого покроя, сюртук, шелковый галстук, двубортный жилет, серые брюки в тонкую полоску…

- Итак, чем я могу вам помочь? – спросила она вежливо.

- Назовите мне имя этого господина, - ухмыльнулся я саркастически, - для начала. Можно – профессию, адрес, ну и неплохо бы – имя убийцы… Желательно ещё с мотивами и списком сообщников.

- Увы, мистер Хартвелл, - она покачала головой, - вот так, сразу, я едва ли…

В этот момент попугай ее перебил. Он заверещал:

- Кое-кто скорррро получит наследство!

- Ах ты болтунишка! – кто у нас тут болтунишка? - проворковала она, с улыбкой наклонив голову к попугаю, и повернулась ко мне. – Как я поняла, это не ограбление?

- В том-то и дело, что нет - убивать человека грабителю, в общем-то, незачем. А этого сначала оглушили, а потом …

— Кое-кто скорррро получит наследство! — снова вклинился в нашу беседу попугай, уже с интонацией заевшей граммофонной пластинки.

- …а потом уже ударили ножом в спину. Зачем грабителю это делать, если его интересовали только кошелек и часы?

Она молчала, прищурившись, рассматривая убитого. Покачивала головой в такт своим размышлениям. Потом сказала неожиданно:

- У него широкие плечи и узкие бедра.

- Да, вероятно, сильный был человек, - согласился я.- Только вот по голове его огрели, подобравшись сзади…

- А сюртук, между тем, сидит на нем просто идеально, - продолжала она задумчиво, и глянула на меня этак со значением.

- К чему вы клоните? – не понял я.

- Сюртук был сшит на заказ, это несомненно. Будь он покупной, он бы сидел на нем ужасно! Вы же понимаете, в магазинах продаются вещи, сшитые на усредненную фигуру. Такой сюртук ему либо жал бы в плечах, либо был широк в талии. А тут явно подгоняли по фигуре… То есть, он сшит в хорошей мастерской. С большой вероятностью, у него есть ярлычок - либо под воротником, у стойки, либо на подкладке, внутри по боковому шву… А если так, то можно найти фирму – и как знать, вдруг они опознают его по фото или как еще?

И посмотрела на меня с невинной такой улыбкой.

А я смотрел на нее с умилением. Ибо только что подтвердилась моя мысль, что Рейвен Блейк появляется не просто так – а чтобы подсказать неожиданное решение проблемы.

А потом она премило раскланялась и вместе с клеткой влезла на велосипед, толкнула педаль ножкой в изящной туфельке … и вот уже велосипед катит прочь по аллее, растворяясь в золотой пыли солнечного света.

Когда она скрылась за поворотом, я очнулся и вспомнил, что вообще-то на службе.

Глава 2
Инспектор полиции Хартвелл

И что же? Рейвен, как всегда, оказалась права! По ярлычку под воротником мы отыскали ту самую мастерскую.

Старый мастер — в сатиновых нарукавниках, с портновской лентой, небрежно обёрнутой вокруг шеи вместо шарфа, и с лысиной, обрамлённой вспушенными остатками волос, — покосился на меня и буркнул:

— Говорите, фотография этого господина ещё не готова? Да я вам и без фотографий всё скажу! Дайте-ка сюда сюртук… Хм… Черный камлот, ангора с шёлком…

Он горестно вздохнул, рассматривая спинку сюртука – пробитую ножом и залитую кровью – и с надрывом промолвил:

- Эх, такой сюртук испортили!

После чего принялся яростно копаться в кипе квитанций – тонкие листки бумаги так и шуршали под его узловатыми пальцами.

— С тех пор как нам привезли эту ткань, мы сшили из неё шесть сюртуков и один костюм, - бормотал он себе под нос, - а ну-ка, дайте его померить.

Сняв с пиджака мерки портновской лентой, мастер нырнул в недра картотеки, пару минут перебирал карточки — и вдруг торжествующе рявкнул, вскинув над головой бумажный прямоугольник:

— Вот он!

— Кто? — не понял я.

— Бенджамен Финч, вот кто! — выпалил он. И добавил сочувственно, - бедолага…

— Вы уверены? — усомнился я.

- Ха! - он опустил руку с карточкой и уставился на меня в упор. - Сочетание мерок, господин полицейский, дело уникальное – особенно в этом случае! Хотите я вам его опишу? Высокий, с лица недурен, лет сорока восьми на вид, плечи широкие, вот такие бакенбарды, - он показал пальцами, какие именно. – Волосы цвета, - он подбирал определение, - ну, вроде как хвост у воробья, серые. Но только с этаким кофейным оттенком. И вечно цепочкой от часов позолоченной сверкал…

- Почему вы точно знаете, что позолоченной, а не золотой? – удивился я.

- Да откуда большие деньги у стряпчего? Он, извольте видеть, у меня три сюртука сшил просто затем, что ему по работе его надо выглядеть представительно – вот он и потратился. А манжеты у его рубашек, между прочим - по краям вечно потертые…

- Позвольте, а откуда вам известно, что он стряпчий? – уточнил я.

- Да жаловался он, - отвечал портной, усмехнувшись. – С нами, портными, клиенты часто откровенничают, если в жизни все наперекосяк! Говорил – дочь его единственная замуж собралась. Влюбилась, говорит. А жених кто? Младший клерк из его же конторы – вот тоже мне, выгодная партия! Будут всю жизнь в кулак свистеть, даже если дослужится до старшего клерка… Для того ли, говорит, я ее растил, учителей ей нанимал? Он-то ей хорошее будущее намечтал, деньги на приданое копил, себе во всем отказывал, а она вон чего. Короче, запретил ей категорически…

- Вот как? А в какой конторе он служил?

Этого портной не знал, зато нашел в своих книгах домашний адрес Финча. Это было весьма кстати.

Проживал он в большом многоквартирном доме. На наши звонки в дверь никто не отозвался. Обратившись к хозяйке, мы получили разрешение взять запасной ключ у консьержки. А та – пышнотелая пожилая дама в очках, в строгом черном платье – вручивши нам ключ, ответила и на кое-какие вопросы. Да, Финч был человек безупречной репутации, ни в чем дурном не замечен.

Войдя в квартирку, мы нашли на его столе не только кучу деловых бумаг, но и стопку визитных карточек его конторы, которая называлась «Миндзор и Барретт».

А на стене висел фотографический портрет в металлической рамке — на нём был изображён Бенджамин Финч. Да, сомнений не оставалось: это точно он. Рядом с ним — юная девушка, скорее всего, его дочь; он обнимал её нежно, по-отечески.

Словом, мы стремительно шли по следу!

И я уже был уверен, что это дело будет легким, и закроем его через пару дней. Подозреваемый у меня уже был – этот самый младший клерк, неудачливый жених - и прижать его мне будет несложно.

- Конечно, мы его прижмем! – энергично согласился сержант Престон.

И - тотчас его прижал!

Прижал, толкнув последнюю дверь в квартире – то была дверь в кладовку. То есть, буквально прижал подозреваемого этой дверью. Раздался жалобный писк — будто мы не преступника ловили, а нечаянно придавили кота. Оказалось, его и искать не нужно, вот он.

В кладовке, забившись в щель, помещался некий молодой человек, потерянного и расстроенного вида. Он еле стоял на ногах, когда его из кладовки вывели. Я велел ему сесть. Он сел, но его колено подрагивало, пальцы вцепились в подлокотник кресла, и он смотрел на нас умоляющими жалкими глазами. Глаза эти были большими, тёмно-карими, блестящими от испуга.

Я рассматривал его. Злоумышленник был довольно симпатичным. Лет ему было около тридцати; черты лица — мягкие, правильные, а лёгкая тень смятения придавала ему какую-то трогательную уязвимость.

- Кто вы такой? – спросил я грозно.

Молодой человек растерянно озирался, скользя взглядом по лицам полицейских, и, кажется, ничего не понимал.

- Я – Мартин Лейн. А вы сами-то кто и почему вы здесь? – прошелестел он, наконец, чуть слышным шепотом.

— Я инспектор полиции Эдвин Хартвелл, — отчеканил я и поднёс к его глазам удостоверение так близко, чтобы не оставалось ни малейших сомнений в серьёзности происходящего. — Повторяю вопрос: кто вы и что делаете в этой квартире в отсутствие хозяина?

— Ну как… живу, — пробормотал он. — Хозяин квартиры – он предложил нам временно пожить у него. Квартира, как видите, просторная, а у меня прежде была съёмная каморка — в ней и повернуться-то было негде.

— Тогда объясните, почему вы прятались в кладовке?

— Я испугался, — признался он, опустив глаза. — Вы ворвались так внезапно… А я и без того сам не свой после того, что случилось.

- А что у вас случилось? – уточнил я.

- У меня похитили жену, - пробормотал он. – Они, то есть похитители … оставили записку, что они ее убьют, если я не выполню их условия…

Он вытащил из кармана и сунул мне записку, нацарапанную явно на коленке, причем печатными буквами. Записка гласила, что некие документы – «вы сами знаете, какие» - надо положить в условленное место, «иначе ваша жена будет убита». Дальше шла угроза: не смейте обращаться в полицию!

- О каких документах идет речь?

- Да если бы я знал, - вскричал он с рыданием в голосе. - Я вообще ничего не понимаю… Я думал, посоветоваться со своим тестем, так он тоже куда-то пропал!

- А как давно вы женаты?

- Я женился три дня назад, - его пальцы его исполняли некий танец: он их то сцеплял вместе, то тёр руки так, словно хотел намылить, но мыла, увы, не было, - а сегодня такое… Такой ужас!

- А как, простите, девичья фамилия вашей жены? – уточнил я.

Он посмотрел на меня с недоумением.

- Ее девичья фамилия Финч – Шарлотта Финч. А что?

— То есть дочь адвоката Бенджамена Финча, владельца этой квартиры?

— Да… а к чему вы клоните? — пробормотал он. Пальцы его замерли, будто наконец осознали, что добыть мыло из воздуха не получится.

Я навис над ним с грозным видом:

— К тому, мистер Лейн, что сегодня утром Бенджамен Финч был найден мёртвым в Центральном парке Августенбурха. Смерть наступила от насильственных действий. И весьма вероятно, что исчезновение вашей жены — не случайность, а часть одной и той же зловещей цепи. Не исключено даже, что вы сами причастны к этому делу.

- Что?! – если он притворялся потрясенным, то делал он это виртуозно.

- Скажете, мистер Лейн, а где вы были этой ночью, с семи вечера и до шести утра, - отчеканил я ледяным тоном, назвав время смерти, приблизительно указанное нашим экспертом.

- Дома, - прошелестел его голос, - с женой.

- Она может это подтвердить? – я прищурился.

- Да я же говорю вам – ее похитили! Ее надо спасти!

- То есть ее похитили, и таким образом, она не может подтвердить вашего алиби?

Надобно сказать, что этот простой вопрос пришелся Мартину Лейну, как обухом по голове. Он пошевелил губами, потом открыл рот, потом закрыл, и не сказал ни слова.

- У вас ведь были очень плохие отношения с вашим тестем, не так ли? – продолжал я жестко. - Мы уже навели справки, и нам известно, что он был категорически против вашего брака с его дочерью. А это – повод для крупной ссоры, которая вполне могла закончиться убийством, не так ли? Вы понимаете, как все это выглядит? Мотив у вас был, а вот с алиби все… очень плохо.

— Но это неправда! — возразил он дрожащим голосом, вскочивши с кресла. Казалось, он пытался убедить не столько меня, сколько собственные колени, которые явно собирались подогнуться. — Он был вовсе не против. То есть… Сначала он и взаправду был против, а потом переменил мнение…

- И с чего бы ради он вдруг его переменил? – осведомился я саркастически. – Может, вы внезапно разбогатели, или вам, вместо должности младшего клерка, внезапно предложили должность министра в правительстве?

Мартин Лейн растерянно молчал.

- Но ей-Богу, это правда! – проблеял он наконец. – Мистер Финч и вправду был сперва против, а потом, наоборот, сам вдруг очень захотел… Он даже сказал Шарлотте: «Выходи за него замуж, да поскорее». Да, вот так и сказал! И сам пожить у него пригласил!

Последняя фраза меня просто разозлила. Уж берешься врать, так ври правдоподобно, а это что такое? Меня что, в самом деле, за дурака держат?

- Мартин Лейн, вы задержаны по подозрению в убийства Бенджамена Финча, - отчеканил я. – Пройдемте.

- Но выслушайте же меня! – взмолился юноша.

- Молчать! – рявкнул я с присущей мне твердостью.

Ибо твёрдость — моя профессиональная добродетель! Хотя злые языки порой утверждают, что она больше похожа на упрямство.

- Я расскажу вам, как было дело, - продолжал я жестко. – Вы поссорились с тестем. Так? Он был в ярости, что вы поженились против его воли. Потом вы убили его – в процессе возникшей ссоры. А потом… я не знаю, куда вы дели свою жену. Может тоже убили …

- Да вы что?! Чтобы я… мою Шарлотту?! – голос его сорвался на какой-то птичий крик.

- Или где-то спрятали, как вариант. Она отказывалась лгать, выгораживая вас, да? Все-таки дочерние чувства в ней были достаточно сильны. Не так ли?

Лицо Мартина Лейна было бледным, губы дрожали. Рукой он делал какой-то жест, словно отталкивал от себя что-то гадкое…

- Но эти похитители, они же оставили мне записку! Они требуют какие-то документы…

- Но мы с этим разберемся, - продолжал я сурово. - Вы нам расскажете все – в том числе и то, как вам пришла идея с мнимым похищением собственной жены. И про эту записку, которую, скорее всего, вы написали сами. А сейчас собирайтесь – мы определим вас в камеру…

Глава 3
Рейвен

Рука Провидения - существует ли она, спрашиваю я себя, оглядываясь назад. И не приняла ли она в тот день вид маленькой лапки лимонного попугая, отодвинувшей засов клетки?

А началось всё с того, что в нашем агентстве раздался звонок — и в трубке послышались рыдания, горькие и безутешные. Дама, задыхаясь от слёз, умоляла спасти её попугая. Её любимого, обожаемого Карамболя — лимонно-жёлтого какаду, который, по её словам, дерзко сбежал из клетки и теперь был обречён на гибель в зубах первой же кошки.

Ее драгоценный питомец! Ну, кто сможет его вернуть домой, кроме детективов-волшебников?

- Принесите его клетку, - отвечала я несчастной даме, - посмотрим.

Клетка мне была нужна сразу для двух целей. Первая цель - запустить заклинание поиска хозяина по принадлежащей ему вещи; в данном случае хозяином был попугай. А вторая - чтобы, обнаружив пернатого проказника, в клетку его обратно и затолкать.

Вскоре миссис Бейли – так звали даму – появилась вместе с большой клеткой, к которой что-то противно громыхало при каждом движении. Крупное тело дамы, обтянутое строгим черным платьем, содрогалось от рыданий; она прижимала в носу крошечный кружевной платочек.

- А что это в ней так гремит? – удивилась я, тряхнув клетку; клетка ответила мне громким звяканьем.

— Ах, боже, да до того ли мне сейчас! — проговорила миссис Бейли из-под платочка сдавленным голосом. — Понятия не имею…

Но мне, в отличие от моей клиентки было очень даже «до того». Мне же предстояло проделать с клеткой долгий путь, и если она при каждом движении будет так греметь… ну уж, извините!

Я ещё раз осторожно встряхнула клетку и прислушалась. Звук доносился откуда-то снизу — из щели между днищем и съёмным поддоном. Выдвинув поддон, я заметила сбоку, в проёме, небольшой металлический предмет. Интересно, что это – гвоздик?

Это был латунный ключик — слишком маленький для дверного замка и слишком крупный для чемодана. На его головке виднелись выбитые цифры.

— Вы не теряли ключ? — спросила я, протягивая находку миссис Бейли.

- Это не мое, - пробормотала она растерянно, - точно не мое.

И снова уткнулась носом в платочек.

Пожав плечами, я небрежно кинула ключ в подставку для карандашей на письменном столе. Разберемся с ним позже. Пока что моя цель – найти попугая.

Итак, заклинание поиска хозяина по принадлежащей ему вещи. Попугай – хозяин клетки. Едва я прошептала нужные слова, как из клетки вырвался яркий ручеёк света — будто кто-то пролил жидкий солнечный луч. Он заструился вперёд, уверенно указывая путь к пернатому беглецу.

Взгромоздившись с клеткой на велосипед, я проделала немалое расстояние, пока добралась до парка, и отыскала там пернатого негодника. Зловредный Карамболь сидел на голове статуи какой-то древней богини – экий же плут! - да с таким самодовольным видом, будто это его личный трон, а богиня — просто подставка.

И тут-то оказалось, что в парке кого-то убили, и сам инспектор Хартвелл решил почтить своим присутствием место происшествия. Вот уж не предполагала я наткнуться я в тот день в парке на инспектора!

Немного пообщавшись с ним, я мило раскланялась и вместе с клеткой влезла на велосипед. «Хозяйка Карамболя, небось, уже заждалась получить своё сокровище», — думала я, крутя педали.

День был чудесным – теплым, умиротворенным. Городской шум — скрип колёс, редкие голоса, цокот копыт — звучал сегодня приглушённо, словно город нарочно убавил громкость, чтобы не спугнуть это редкое умиротворение.

Но мне никак не удавалось обрести покой: перед глазами всё стояли глаза убитого. Они были устремлены в бездонную синеву неба — в них застыли вопрос, изумление и горький упрёк. Казалось, он до последней секунды не верил, что всё кончено. И теперь этот взгляд неотступно преследовал меня, намертво врезавшись в память.

Я мотнула головой, пытаясь стряхнуть это наваждение.

«Ты слишком чувствительна, Рейвен, — строго напомнила я себе. — В городе каждый день кого-то убивают — тебе ли, детективу, этого не знать? Всех не оплачешь, да и слезами делу не поможешь. Сосредоточься лучше на том живом сокровище, которое сидит у тебя сейчас в клетке и требует внимания».

И всё-таки этот взгляд… Он был таким удивлённым, словно бедняга в последний миг подумал: «Серьёзно? Прямо сейчас? У меня же ещё столько дел!»

«Полно, Рейвен! — оборвала я свои размышления.— Лучше наслаждайся тёплым ветром в лицо и этим великолепным августом, который будто позолотил весь город. Вдохни поглубже: воздух такой чистый, прозрачный, звенящий - хоть разлей его по бутылкам и продавай, как эликсир спокойствия. И так славно пахнет флоксами — их осенью на газонах столько, что похоже на цветочную выставку».

Старинные фасады домов из тёплого камня в золотистом свете казались округлыми, будто время потихоньку стирало их острые углы.

И только один дом, мимо которого я проехала, выбивался из этой идиллии. Дом номер 13 на улице Старых Фонарей, сложенный из чёрного камня, выглядел так, будто нарочно пришёл испортить всем настроение. Он мрачно нависал над улицей, тяжёлый, угрюмый, неприветливый, словно шептал каждому прохожему: «Да, я тут. И да, я именно такой, каким и должен быть дом под номером 13 — ни дать ни взять воплощение всех дурных примет». И даже солнце, щедро заливавшее соседние здания, будто обходило его стороной, не решаясь коснуться этих холодных, равнодушных стен.

Небольшие каменные фигуры - то ли горгульи, то ли не пойми что - помещались по углам его, и вид у них бы неприятный. Они словно наблюдали за происходящим вокруг – и ожидание чего-то недоброго повисло в моей душе от их каменного взгляда. Я снова увидела мысленным взором глаза мертвого человека, устремленные в небо с немым вопросом…

Ах, что за глупости, беспечно сказала я самой себе, крутя педали велосипеда. Я же просто проезжаю мимо, не так ли? И мне до этого дома нет никакого дела, как и ему до меня.

Спустя час я передала миссис Бейли её пернатое сокровище. Её полные щёки дрожали, по морщинкам у глаз тихо стекали слёзы. Не замечая ничего вокруг, она прижала клетку к груди с такой отчаянной силой, словно боялась, что это чудо вдруг растворится в воздухе.

Слова благодарности срывались с её губ торопливым, сбивчивым потоком - и тут же сменялись нежным воркованием в адрес попугая. В этой бурной смеси облегчения и восторга сквозила такая неподдельная искренность, что даже самый чёрствый сыщик не сумел бы сохранить равнодушие.

Наконец, окончательно утерев слёзы, миссис Бейли надела большие круглые очки — видимо, чтобы как следует разглядеть своё пернатое счастье, и убедиться, что оно действительно здесь, настоящее.

А на вопрос, кто же – по словам попугая - должен получить наследство, она рассмеялась сквозь счастливые слезы:

- Да кто ж его знает? Я ведь консьержкой служу; у меня куча жильцов – дом -то на жильцов богатый, понимаете? И всем Карамболь нравится... Все мимо проходят, с попугаем болтают, а он, хитрец, всё запоминает… Сколько я вам должна?

И, расплатившись, засеменила к двери.

- Простите, а ключ? – крикнула я ей уже в спину.

Но на мой вопрос дама не ответила: прижимая к себе клетку с попугаем, словно драгоценность, она выскочила за дверь.

Глава 4
Рейвен

А на другой день зарядили дожди — тягучие, серые, словно небо решило выплакать все свои запасы воды разом. Капли стекали по оконным стёклам медленными, тягучими дорожками, и весь мир окунулся в серую, промозглую тоску.

Я коротала время в уютной комнатке баронессы Найветт — моей доброй подруги и, что уж скрывать, самой эксцентричной наставницы, какую только можно вообразить.

Баронесса Эрминтруда Найветт, а точнее, её призрак, состояла в нашем агентстве на особой должности: она слыла непревзойдённым знатоком всевозможных магических зелий, микстур, притираний и волшебных эликсиров. Говорили, что ещё при жизни она могла по одному запаху отличить настойку из лепестков ночной фиалки от настойки из цветов туманного плюща — а после смерти её чутье и вовсе обострилось до сверхъестественной тонкости.

Итак, я сидела в тепле, пила кофе и чувствовала себя совершенно счастливой в обществе самой баронессы, своего жениха Бервелла Пирса (он тоже служил в нашем агентстве, а прежде был полицейским офицером) и пушистого белого кота.

Бервелл — высокий, крепкий молодой мужчина, словно свитый из мускулов, — пристроился поближе ко мне и гордо обнимал за плечи, будто хотел заявить всему миру: «Эта девушка — моя!».

Кот тем временем утопал в диванных подушках, словно в сугробах, и время от времени приоткрывал янтарные глаза. А если беседа казалась ему достойной внимания, они вспыхивали алым пламенем — совсем как угли, в которые подбросили щепотку волшебного порошка.

— Что пишут в газете? — прощебетала баронесса, поправляя призрачные кружева на своём призрачном атласном платье. Движения её были лёгкими, почти воздушными – сказывалась привычка к безупречной элегантности, выработанная за долгие годы светской жизни.

— Да вот, — я развернула страницу и постучала пальцем по заголовку, — «Происшествие в Центральном парке». Нашли труп мужчины.

— Наверняка без женщины тут не обошлось, — авторитетно высказалась баронесса.

Я едва удержалась от улыбки: в этом была вся Эрминтруда — она умела любую трагедию уложить в изящную, пусть и слегка предвзятую формулу.

— Вы так полагаете? — мягко возразила я, хотя знала, что спорить с баронессой — дело неблагодарное.

— А как же иначе? — она приподняла прозрачную бровь. — Мужчина погибает при загадочных обстоятельствах — значит, тут замешана либо страсть, либо ревность, либо женщина, которая слишком много знает. Это аксиома, моя дорогая. В моей практике не было ни одного случая, где бы эти три начала не переплелись самым причудливым образом.

Она сделала паузу, словно давая мне время осмыслить эту теорию, а затем добавила чуть тише, с оттенком почти театральной таинственности:

— Впрочем, бывают и исключения. Но они настолько редки, что я предпочитаю о них не думать — они нарушают гармонию моих выводов. Скажи лучше, что ещё пишут? Есть ли приметы убийцы? Описание места? Запах, наконец?

Я невольно покосилась на кота: тот приоткрыл один глаз, будто намекая, что и он не прочь поучаствовать в обсуждении.

— Пока только голые факты, — ответила я, снова заглядывая в газету. — Место, время, и ничего больше. Ни запаха, ни мотивов.

— Мотивы мы найдём, — уверенно заявила баронесса, многозначительно улыбаясь. — Мотивы всегда прячутся либо в прошлом, либо в сердце.

Я рассеянно кивнула и погрузилась в чтение заметки. Если верить репортёру, ему удалось отыскать свидетеля — бездомного бродягу, который заночевал в парке на скамейке. Тот утверждал, будто видел, как двое мужчин в чёрных плащах с капюшонами тащили под руки третьего. При этом третий казался сильно пьяным — поскольку вовсе не мог идти, и его попросту волокли. Куда вели бедолагу, бездомный выяснять не стал: прикрыл лицо газетой и снова уснул.

Показания свидетеля выглядели правдоподобно. Судя по пятну крови на газоне, несчастного убили уже в парке. Вероятно, прежде его оглушили и выждали до пяти утра — того часа, когда заканчиваются все ночные дела и город понемногу затихает. К этому времени отправляются на покой и грабители, и воры, и уличные женщины — и можно, почти не опасаясь свидетелей, довершить чёрное дело.

Я пролистала газету до конца, но ничего интересного в ней больше не было.

— Клиентов что-то нет, — заметила я, обмакивая в кофе кусочек печенья.

— Неугомонная ты, — усмехнулся Бервелл, обнимая меня за плечи покрепче. — Неужели тебе не хочется подольше побыть в обществе любимого мужчины?

Баронесса, заслышав эти слова, тихонько вздохнула.

Бедняжка. У неё с личной жизнью в своё время не сложилось вовсе: ни с одним из своих семерых мужей она не смогла поладить. Из-за чего они, один за другим, ушли на тот свет, и к уходу каждого баронесса — в большей или меньшей степени — приложила свою прелестную ручку. Потому она - ах! – совершенно не верила в семейное счастье как таковое.

(А вот ее приятель - призрак боцмана Джо Хьюза - думает иначе. Старый морской волк убеждён: встреться они с баронессой при жизни — обрели бы совершеннейшее счастье. Да только не повезло: судьба свела их лишь тогда, когда жизненный путь обоих был окончен. Проблема была еще и в том, что у боцманов и баронесс мало шансов пересечься в реальной жизни…).

Белый кот, до этого мирно дремавший среди подушек, тоже покосился на баронессу. На его хорошенькой мордашке мелькнуло едва уловимое ироническое выражение — он-то прекрасно знал всю историю леди Найветт. И неудивительно: если уж говорить начистоту, он и не кот вовсе.

А потом он медленно приподнял голову, и его янтарные глаза вновь вспыхнули алым — будто в них зажглись крошечные огоньки. Он потянулся, зевнул и уставился на дверь, словно прислушиваясь к чему-то, недоступному нашему слуху.

И тут раздался продолжительный звонок.

— Похоже, клиенты всё-таки нашлись, — проговорила я, чувствуя, как внутри поднимается привычный азарт — тот, что всегда приходит перед новым делом.

Бервелл поднялся, оправил сюртук и направился к двери:

— Ну что ж, посмотрим, кто не побоялся прийти в такой ливень.

Я тоже встала и направилась в приемную – посмотреть, кого принес дух дождливой погоды.

А принес он совсем юную девушку. Однако, сразу видно – это была представительница высших слоев общества. Об этом красноречиво говорили, для начала, ее ботинки: новенькие и очень, очень дорогие. Как известно, истинная леди может быть одета хоть в самое дешевое платье – но ботинки должны быть безупречны.

Впрочем, когда она скинула промокший плащ, я заметила, что остальной наряд не давал ни малейшего повода для критики. Элегантный голубой костюм, отороченный тёмно-синим бархатом по лацканам и манжетам, выглядел так, будто каждая деталь была тщательно про-

думана ради одного — создать образ изысканной утончённости. Дополняла ансамбль шляпка-чалма из того же бархата, украшенная изящной маленькой брошью в виде нежной веточки.

Однако вся эта безупречная продуманность туалета странно контрастировала с её подавленным видом. Было видно, что девушку терзает тревога, с которой она никак не может совладать.

Она опустилась в предложенное кресло и замерла, погрузившись в тягостное молчание. По её лицу было видно, что она мучается, подбирая нужные слова — они будто ускользали, не желая складываться во внятную фразу.

— Мне сказали, — прошептала она наконец, дрожа от волнения, — мне сказали, что только ваше агентство берётся за дела, в которые никто другой не хочет соваться… У меня… у меня в доме что-то происходит. И я не знаю, к кому ещё пойти.

— Расскажите, что у вас случилось, — мягко произнесла я.

В этот момент боковая дверь приёмной отворилась, и в комнату вошёл Дайорелл — хозяин агентства, тоже привлечённый звонком в дверь. Он устроился в большом мягком кресле.

Ещё недавно все беседы с клиентами вёл именно он. Но в последнее время он - мой приёмный отец, наставник и учитель - решил, что пора мне становиться самостоятельной. И теперь право вести переговоры было доверено мне. Сам же он, пухленький, кругленький, с виду немного ленивый, уютно расположился среди пышных диванных подушек и внимательно слушал, неторопливо поглаживая пышные бакенбарды.

В разговор он вмешивался лишь изредка — только если ему казалось, что я упускаю что-то важное.

— Мы вас внимательно слушаем, — проговорила я ласково.

Начать рассказ бедняжке было невыносимо тяжело. Наконец, она глубоко набрала воздух — так, словно готовилась нырнуть в тёмную, ледяную глубину, — и едва слышно прошелестела:

— Понимаете, я родом из довольно знатной семьи… Меня зовут Флоренс Торндейл. Мой покойный отец носил титул виконта, а теперь этот титул перешёл к моему старшему брату Эдмунду…

— Продолжайте, пожалуйста, - подбодрила я.

— Как вам, вероятно, известно, в аристократических семьях у всех почти есть магические способности. Правда, мой отец был магом весьма слабым — в основном бытовая магия … Брат унаследовал примерно такой же уровень.

— А у вас есть магия?

Флоренс покачала головой, а затем тихо пробормотала:

— Я бы солгала, сказав, что её нет вовсе. Просто она проявляется иначе — как повышенная чувствительность к разным вещам. Я вижу то, чего не замечают другие. Хотя, честно говоря, порой я спрашиваю себя: действительно ли они этого не видят — или просто делают вид, что не замечают?

— И что же вы видите такого, чего не видят остальные?

— Многое… — шёпотом ответила она.

- Например?

— Например, два дня назад началось нечто очень странное – я стала видеть иней на зеркалах. Он ползёт по стеклу, словно живое существо, сплетая узоры, как зимой на оконном стекле. Стоит мне подойти к зеркалу — и оно тотчас затягивается морозными узорами…

Это уже показалось мне интересным.

- Давайте подойдем к зеркалу вместе, - предложила я, указывая на большое зеркало на стене приемной.

Мы подошли. Лично я ничего в зеркале не видела, а я все-таки маг не самого слабого уровня.

- В этом зеркале ничего нет, - она посмотрела на меня почти виновато, - а вот в тех зеркалах, что у нас дома…

- Может, просто у вас в доме зеркала особенные? – уточнила я.

- Но раньше-то ничего такого не было!– горячо возразила она. – Это началось только два дня назад! Но я не с того начала… Понимаете, там, в зеркале, я вижу какого-то человека — только смутно, будто сквозь туман или сквозь замёрзшее стекло, на которое подышали. Знаете, когда зимой прочистишь на окне маленькое окошечко — и сквозь него смутно видно улицу… Вот так и тут: очертания расплываются, лицо скрыто, словно его намеренно размывает сама тьма. Но глаза… Я вижу только глаза! Они смотрят на меня постоянно, будто пытаются что-то сказать, будто хотят прорваться сквозь эту ледяную преграду. Я даже лица толком не могу рассмотреть – только глаза! И он на меня все время смотрит! Словно хочет что-то сказать…

Когда я первый раз увидела это - я так испугалась, что закричала. Тут же вбежали слуги, брат, сам мистер Харрингтон. Они оглядывали зеркало, брат тер стекло платком, а мистер Харрингтон смотрел на меня с недоверием и жалостью. Иней исчез, будто его и не было. А глаза… они остались у меня в памяти.

Мистер Харрингтон сказал, что мне нужен покой и врач. Брат — что я пытаюсь увильнуть от долга. Никто не верит, что я вижу то, что вижу, - она всхлипнула.

Я осторожно уточнила:

— Простите, а от какого долга, по мнению брата, вы пытаетесь увильнуть?

Девушка тяжело вздохнула и потупилась.

— Он нашёл для меня жениха — вот этого самого мистера Харрингтона. Сам всё решил, не спросив меня. Сказал, что это идеальный вариант… Хотела бы я понять, что в нём такого идеального!

— Может быть, он богат? — предположила я.

- Он уже немолод, ему лет сорок пять, - отвечала она, - и да, он богат. У него с братом какие-то дела… Совместные. Не знаю. Но он мне… я его просто боюсь, понимаете, - последние слова она произнесла еле слышно.

- Почему боитесь?

- Я не знаю… Но мне кажется, что мой брат сам его боится. Во всяком случае, он говорил, что он полностью зависит от этого Харрингтона, а ведь это же надо постараться – чтобы человек попал в зависимость. Значит, он может это сделать, так? А брат говорит, что мой долг - выйти за него замуж.

- А вы не спросили брата, когда это вы ему так задолжали? Вы же в долг у него не брали.

Она вздохнула. Смотрела в сторону, кусала губу. Словно решала – говорить или нет?

— Мой брат сказал что покойный папенька разорил нашу семью, ничего не оставив нам к наследство, кроме долгов, - она потупилась и покраснела. - И он сказал, что его, как наследника папиных долгов, отправят в долговую яму, если он все эти долги отца не выплатит…

- А при чем тут ваш брак с этим Харрингтоном?

- Понимаете, все наши земли и имения – майоратные. Их нельзя продать. И выплатить долги нечем. А этот Харрингтон, он какой-то ловкий делец. Я так поняла, что он знает способ, как перевести часть земель из майоратных в обычные – это нужно пройти какую-то регистрацию в Канцлерском суде - и продать. Но это долго, а деньги нужны сейчас…

Она перевела дух.

- Так вот: он согласился дать брату денег – много денег. Они составят документы, по которым брат сейчас получит деньги, а потом расплатится землями…

- А условие такое, что вы должны выйти замуж за него?

Она кивнула.

- Самое неприятное – это то, что раньше я бы еще надеялась, что отец за меня заступится. А сейчас заступиться за меня некому, потому что мама… Она занята своей жизнью, ей не до меня. Я слышала их разговор. Эдварда и мистера Харрингтона… Мой жених говорит, что я явно нездорова, и что меня надо показать врачу. А брат сказал, что вот женитесь на ней и делайте что хотите – отправьте в лечебницу, пусть ее полечат, а там она, глядишь, избавится от глупостей. Вы понимаете? Вы же знаете, какие там, в лечебницах, методы?! Обливание ледяной водой! Удары током! Они меня замучают насмерть!

- Но вы можете отказаться от этого брака.

- Но тогда мой брат окажется в долговой тюрьме?!

Я смотрела на нее задумчиво. Передо мной явно была бедняжка, которую всю жизнь учили отказываться от своих прав и интересов - ради удобства других… Её учили, что её собственное счастье — роскошь, которую она не имеет права себе позволить.

— То есть выбор у вас таков: либо ваш брат отправляется в долговую тюрьму, либо вы — в психлечебницу. Это не выбор, это ловушка, расставленная самой судьбой. Скажите, а почему вы предпочитаете пожертвовать собой ради брата? Вы ведь тоже имеете право на благополучие… на то, чтобы просто жить, не расплачиваясь собой за чужие долги.

Она не ответила, только покачала головой и закрыла глаза руками. Потом заговорила виновато:

- Понимаете, когда-то давно, в детстве, мы с братом были очень близки – по крайней мере, мне так казалось. Мы погодки, я на год его младше. И он был таким чудесным! – на губах ее расплылась мечтательная улыбка. – Ласковым, добрым, веселым - и я надеялась всей душой, что он всегда будет таким, и всегда мы будем нежными друзьями. Но потом… по мере того, как он взрослел, я видела, что он не просто отдаляется от меня - беда в том, что он менялся… И внешне, и внутренне… У него было такое живое лицо в детстве – на нем отражались и радость, и печаль. А сейчас он смотрит на меня с каменным выражением… я все время спрашиваю себя, в чем я виновата, чем я его оттолкнула?

Я слушала её, и смысл этого монолога ускользал от меня, словно тень, которую невозможно поймать. Вероятно, она хотела сказать, что любовь к брату по-прежнему живёт в её сердце — даже несмотря на то, что тот маленький Эдвард, которого она когда-то любила так нежно, остался лишь в воспоминаниях, а перед ней теперь стоит совсем другой человек.

- Я сочувствую вам всей душой, - отвечала я, - но ведь вы пришли к нам с каким-то определенным заданием, не так ли? Что мы должны сделать… или узнать?

Лицо ее стало совсем уж растерянным. Она таращилась на меня широко распахнутыми глазами и молчала.

Я поняла: она хотела бы, чтобы мы – ведь мы же волшебники, не так ли?! - нашли какое-то идеальное решение проблемы. Чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Чтобы брат вдруг снова стал тем милым мальчишкой из детства; дамоклов меч долговой тюрьмы испарился, как утренний туман над озером, а противный жених Харрингтон исчез, как будто его и не было вовсе.

А мы тут просим у нее каких-то реалистичных решений.

- Я надеялась, - отвечала она, наконец, растерянно, - что, возможно, вы разберетесь, что это за сущность прячется там, в зеркале. И тогда меня перестанут считать сумасшедшей. И, по крайней мере, меня не отправят в лечебницу…

- Но ваш брак с Харрингтоном по-прежнему остается в силе… в смысле, вы все равно выйдете за него?

- А что же мне делать? – всхлипнула она.

Неожиданно из угла раздался негромкий спокойный голос Дайорелла:

- Дорогая леди, я опасаюсь, что вы не понимаете всей сути ситуации.

Она вздрогнула и повернула голову в его сторону.

- Если в вашем доме завелась какая-то, по вашему выражению, сущность – это говорит о том, что совершено преступление. Кем и против кого – мне неизвестно. Но неупокоенная душа останется в этом мире по двум причинам, вы понимаете? Либо этот человек сам совершил тяжкое преступление, и небеса не хотят его принимать – либо он был жертвой преступления, и у него остались в этом мире недоделанные дела. Но если он почему-то избрал ваш дом местом своего обитания – то, скорее всего, ваш дом и был местом преступления. И вполне возможно, что преступление совершил кто-то из живущих в доме, как вариант – кто-то из гостей дома. Если мы начнем преследовать преступника, он будет найден и разоблачен. Вдруг это окажется кто-то из близких вам людей?

Она смотрела на Дайорелла, не мигая. В ее прелестной кудрявой головке явно шла напряженная работа мысли.

- Это Харрингтон, - пролепетала она наконец, - я уверена, что это он, он! Брат говорит мне, что он его боится, потому что он выкупил папины векселя, и теперь он может отправить его в долговую тюрьму одним росчерком пера!

- А если это не он? Вдруг этим человеком окажется ваша мать, ваш брат, или кто-то из ваших родственников?

- Они не могли, - прошептала девушка, сделавши круглые глаза и качая головой, - нет, нет – зачем им? У матушки свои заботы — она третий месяц выбирает перчатки к новому платью, ей не до преступлений. А брат… нет, не верю.

- А зачем это Харрингтону?

- Он злой и гадкий, - пролепетала она. Глаза ее, большие и невинные как у фарфоровой куклы, наполнились слезами.

Мы с Дайореллом переглянулись.

— «Злой и гадкий» — этого недостаточно, чтобы обвинить человека в преступлении, леди, — произнёс он мягко. — Мы не можем строить расследование на смутных ощущениях. Но я понимаю ваш страх. Давайте так: мы не будем спешить с выводами. Мы проверим всё. Каждую деталь. Каждый документ, каждую тень в вашем доме. Если в деле замешаны векселя вашего отца — мы найдём, где они прошли, кто их выкупал, кто ставил подпись. Если в зеркале действительно прячется неупокоенная душа — мы выясним, чья она и почему не может уйти. Но предупредить вас считаю все же своим долгом: возможно, в ходе расследования появятся обстоятельства… непредвиденные, скажем так. Может всплыть что-то такое, чего вы сами не пожелали бы…

Она замерла, будто слова Дайорелла приоткрыли перед ней дверь в тёмную комнату — и она не знала, хватит ли духу туда шагнуть.

А потом подняла на него глаза, в которых ещё плескался страх, но уже пробивалась решимость.

— Я не хочу, чтобы кому-то было плохо, — проговорила она тихо, но в этом тихом голосе звучала твёрдость, которой прежде не было. — Но быть той безропотной девочкой, что молча подставляет щёку, лишь бы в доме царила видимость покоя - я больше не желаю. Пусть откроется правда, какая ни есть, пусть даже самая горькая. Я не стану прятаться от неё. А дальше… дальше я сама решу, как с этой правдой жить.

- Хорошо. - Скажите мне ваш адрес, - попросила я, открывая блокнот.

- Улица Старых Фонарей, 13…

Я широко распахнула глаза и уставилась на нее, затем записала адрес, хотя записывать уже не было смысла. Дом из черного камня, который утром произвел на меня странно-неприятное впечатление, явственно стоял у меня перед глазами.

Осталось понять, как мне проникнуть в этот милый дом, чтобы разобраться в происходящем.

Глава 5
Рейвен

Итак, я стояла в коридоре подле двери кабинета виконта Эдварда и прислушивалась к голосу Флоренс, которая мурлыкала так умильно, так увещевающе:

- Эдмунд, голубчик, ты только не сердись… я тут подумала нанять себе компаньонку. Не торопись говорить «нет», выслушай меня… Я все думала насчет этих видений… Может, это оттого, что я все время одна да одна? Даже если я куда-то выезжаю, то вечером возвращаюсь в пустую комнату. Мне нужен кто-то рядом, просто чтобы я не ощущала так остро свое одиночество в пустой комнате… А то мне страшно, понимаешь? – страшно! Сидишь одна, а тут из зеркала эти глаза… Смотрят и смотрят. Мне все время кажется, что этот страшный человек из зеркала выйдет и что-то со мной сделает…

— И в самом деле, голубушка, — охотно подхватил другой мужской голос. — Может, и впрямь , моей бедной сестренке мерещатся всякие глаза в зеркалах оттого, что ты всё время одна в пустых комнатах?

- Значит, ты не против? – голосок Флоренс радостно зазвенел.

- Ну конечно. Если найдется какая-то спокойная, ненавязчивая особа…

— Вот-вот! — голос Флоренс сделался сладким, словно патока. — Я уже привёзла эту даму сюда — она ожидает за дверью.

— Уже? Однако… А если бы я не согласился её принять, что бы ты сказала? — в голосе собеседника прозвучал лёгкий сарказм.

— Тебе — ничего, — рассмеялась Флоренс. — А ей заплатила бы немного денег за беспокойство — и еще немного на проезд обратно, вот и всё.

Я услышала, как кто-то встал, затем скрипнула дверь. Флоренс просунула голову в щель и тихо шепнула:

— Заходите, вас ждут.

Я поднялась с бархатной козетки и поправила волосы, стянутые на затылке в узел. Над причёской я потрудилась на славу: с помощью лосьона «Сумрачная вуаль» от баронессы Найветт я, светлая шатенка, превратилась в брюнетку, чьи волосы уже тронула ранняя седина.

Ее же волшебный кольдкрем «Осенняя пора» сделал меня старше лет на двадцать. Очки в толстой круглой оправе наполовину скрывали мое лицо — в них я выглядела то ли учёной дамой, то ли строгой воспитательницей.

Платье - тёмно-серое, из грубой шерсти, с глухим вырезом, даже без скромного белого воротничка - сидело мешковато: я подложила стёганую прокладку на плечи и слегка приспустила линию талии, чтобы силуэт казался тяжеловатым, лишённым девичьей лёгкости, и слегка сутулым. Поверх платья - вязаная накидка тускло-оливкового оттенка. Дополняли образ дешёвые перчатки — не для красоты, а чтобы скрыть слишком молодую кожу рук — и немного стоптанные туфли с потёртыми носами.

— Здесь мои рекомендации, сэр, — протянула я конверт хозяину дома. Это было первое, что я сделала, едва переступив порог и поздоровавшись.

Он покосился на конверт, но не взял его. Я так и осталась стоять с протянутой вперед рукой.

— Что вы умеете? — осведомился он. Глаза его смотрели прямо на меня испытующе из-под прямых, словно по линейке нарисованных бровей.

Я тоже рассматривала его. Губы, над которыми размещались щегольские усики, были слишком полными, на мой вкус. Не красили виконта и довольно крупные, оттопыренные уши

— Всё, что должна уметь компаньонка, ваша милость, - отвечала я скромно.

— А именно?

Я чуть склонила голову и заговорила ровно, чуть монотонно.

— Следить за распорядком дня подопечной, напоминать о визитах и приёмах, помогать с письмами, если потребуется. Вовремя напомнить, что пора выпить чаю или принять лекарство. Знать, когда лучше не задавать вопросов, а когда — напротив, мягко подтолкнуть к разговору. Я умею слушать, сэр. И, что важнее, умею не слышать лишнего.

Он хмыкнул — со снисходительным одобрением.

— То есть вы из тех, кто делает всё незаметно.

— Именно так, ваша милость, - я кивнула с чопорным видом. - Незаметность — тоже профессиональный навык.

Виконт перевёл взгляд на мою накидку, края которой нелепо топорщились, на стоптанные туфли, потом снова посмотрел на моё лицо — и вдруг задал вопрос, которого я совсем не ожидала:

— А привидений боитесь?

— Нет, сэр, - я не удержалась и хихикнула. Уж мне-то, привыкшей иметь дело и с домашними привидениями, и с призраками любого иного сорта, такой вопрос лучше не задавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.